

Площадь на мгновение погрузилась в тишину, а затем по рядам пробежал шёпот, быстро переросший в гул.

Слова Сун Ицзэ вызвали настоящий шквал догадок и бурное обсуждение.

— Мне же не слышалось?..

— Рядом с Сун Ицзэ стоял Омега?

— Впервые слышу, как Бог Цзэ теряет самообладание. Чёрт, а в его голосе что-то есть... Спасите!

— Блин, да что они устроили на трибуне?

— За одежду его дёргал... Нагло-то как!

— Офигеть, а это завораживает...

Даже заведующий Лю, выступавший с речью, не удержался и обернулся посмотреть, что происходит за его спиной.

Однако его взгляду предстала вполне идиллическая картина: Альфа и Омега стояли мирно и смирно, выдерживая исключительно приличную дистанцию.

Разве что уши Сун Ицзэ всё ещё пылали.

Должно быть, из-за духоты.

Похоже, собирался дождь.

— Кхм-кхм, — Заведующий Лю сделал вид, будто ничего не произошло, и попытался вернуть речи былую страстность: — Продолжим. Итак, нам нужно тренировать не только навыки решения задач, но и психологическую устойчивость перед экзаменами...

Он вернулся к своей привычной тираде, хотя учеников внизу его слова интересовали меньше всего.

Впрочем, на трибуне стоял ещё один человек, которому было совсем не до служебных

наставлений, — Нин Си.

Он до сих пор не мог прийти в себя от строгой выходки Сун Ицзэ.

Чёрт возьми, а ведь Сун Ицзэ только что выглядел до смерти грозно.

Да что с ним такое? Он ведь реально разозлился, да?

Нин Си прижал ладонь к груди, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Он никак не ожидал от парня подобного выпада.

Разве не говорят, что стоит Омеге немного поприлаживаться да пококетничать, и Альфа тут же сменит гнев на милость?

Почему же Сун Ицзэ...

А.

Нин Си вскинул взгляд, вдруг вспомнив давешние рассуждения Ху Янцая.

Альфа снисходителен только к СВОЕМУ Омеге.

От этой мысли Нин Си досадно взъерошил волосы.

Чёртов Ху Янцай со своими постоянными байками! Из-за него я напрочь забыл, что мы с Сун Ицзэ вообще-то не состоим ни в каких близких отношениях.

Нин Си взял себя в руки и перевёл взгляд на небо прямо перед трибуной.

Тучи становились всё гуще, полностью скрыв солнце. Кроны деревьев бесшумно качались на ветру — шуршание листвы отсюда не долетало.

Сун Ицзэ ведь абсолютно прав.

Они знакомы без году неделя и совсем друг друга не знают.

Возможно, дело в законах этого мира: Нин Си подсознательно начал полагаться на Сун Ицзэ, и это, похоже, действительно стало обузой.

Он почувствовал, как к горлу подступает волна липкого бессилия. До чего же манерно и сентиментально всё это выходило.

Да ёлки-палки, с каких пор я стал таким размазней?

Разве это в моём характере?!

Нин Си мгновенно нацепил привычную маску полного равнодушия и непробиваемости, делая вид, будто ему всё по барабану.

Внутреннюю уязвимость и настороженность приходилось прятать за показной развязностью.

— Что ж, на этом наше собрание объявляется закрытым. Классам организованно покинуть площадку, — произнёс заведующий Лю и положил микрофон.

Толпа внизу тут же пришла в движение. Все ликовали в предвкушении каникул и жаждали поскорее вернуться в кабинеты, выслушать занудные наставления классных руководителей и свалить домой.

Пока ряды учащихся редели, заведующий Лю подошёл к Сун Ицзэ и Нин Си.

— Что у вас тут только что произошло?

— А? Да ничего особенного, — Нин Си расплылся в широкой беспечной улыбке.

Глядя на этот раздолбайский вид, заведующий Лю уже собирался устроить взбучку, но перевёл взгляд на стоящего рядом Сун Ицзэ. Тот идеально контролировал свои феромоны и сохранял безучастное выражение лица, но от одного его вида становилось как-то не по себе.

Решив не портить отношения с лучшим учеником, заведующий учебной частью только вздохнул:

— Ладно, идите в класс.

А затем добавил, выразительно посмотрев на Сун Ицзэ:

— И живите дружно.

Сун Ицзэ косо глянул на Нин Си.

Юноша улыбался во весь рот, абсолютно не принимая близко к сердцу брошенные ранее резкие слова.

Сун Ицзэ выдержал паузу:

—... Хорошо, заведующий Лю.

— Вот и ладненько, — махнул рукой Лю. — Занятия окончены, Нин Си, иди за мной в отдел воспитательной работы, заберёшь свой телефон.

Услышав слово «телефон», Нин Си мысленно восторженно подпрыгнул:

— Есть, заведующий Лю! Спасибо, заведующий Лю!

Ученики с площади уже разошлись. Сун Ицзэ вернулся в экспериментальный класс, а Нин Си последовал за заведующим.

Заведующий Лю отпёр дверь кабинета, подошёл к сейфу у стены, ввёл код и повернулся к Нин Си:

— Посмотри, какой твой.

Нин Си подошёл ближе. В сейфе лежало штук семь или восемь мобильных. Порывшись, он нашел телефон здешнего Нин Си из романа, а также тот, что попал сюда вместе с ним из его родного мира.

Однако, взяв в руки аппарат с разбитым экраном, Нин Си с замешательством повертел его в руках.

— Что такое? Не твой? — поинтересовался заведующий Лю.

— Мой-то мой, — помнил Нин Си характерную паутину трещин. — Но куда делся чехол?..

— Чехол? — переспросил Лю. — А, не обратил внимания. Как изъял, так сразу в сейф и убрал. Сюда никто не лазил.

Нин Си нахмурился.

Не мог же чехол испариться сам по себе?

Заведующий Лю опустился в кресло за рабочим столом, открутил крышку термоса и сделал глоток чая.

Нин Си спрятал телефоны и уже собрался поблагодарить учителя, как тот неожиданно заговорил:

— Нин Си, ты ведь переведённый ученик?

— А, да, — отозвался Нин Си.

— Эх, я только принял выпускной поток и с вашим годом пока толком не успел познакомиться. Оформлением занимался учебный отдел, а у меня последние дни завал был, так что не сразу вник в твои дела. Ты уж извини.

— Ну что вы, заведующий Лю, за что извиняться! — открестился Нин Си.

Заведующий Лю поправил очки:

— Переводиться в выпускном классе — шаг непростой, но я надеюсь, ты поскорее влишься в коллектив, привыкнешь к преподавателям, ритму и правилам нашей школы. И, главное, осознаешь свой статус выпускника.

Он посмотрел на юношу с глубоким отеческим участием:

— И изъятие телефона, и запреты на романтические глупости, и эти объяснительные — всё делается ради твоего же будущего. Сам понимаешь: третий год старшей школы бывает лишь раз в жизни, да и юность не повторится. Не приложишь усилий сейчас — потом локти кусать будешь.

Заведующий Лю был из тех людей, про которых говорят: строгое сердце, да добрый нрав. В каждом его слове звучала искренняя забота о судьбе ученика.

Нин Си не считал эти наставления пустой болтовнёй. Он прекрасно понимал учителя, поскольку сам прошёл этот путь. Он знал, каких трудов стоит учёба, и видел тревогу педагогов. Такие учителя, как Лю, выкладывались без остатка, лишь бы не дать ни единому ребёнку оступиться.

Отбросив привычную паясническую манеру, Нин Си серьёзно кивнул:

— Я всё понял, заведующий Лю.

Заведующий Лю удовлетворённо кивнул:

— Ну и ладно, иди. На каникулах поднажми. Я смотрел твои оценки — смотреть больно. Обязательно подтягивайся вместе со своей учебной группой, усвоил?

— Усвоил.

Закончив разговор, Нин Си вышел из отдела воспитательной работы.

В руках у него было два аппарата. Телефон из прежнего мира по-прежнему не подавал признаков жизни, зато местный смартфон при включении мгновенно ослепил его уведомлением о «999+» новых сообщениях.

[Бай Сюйюй: Ау-у, Си-эр, ты где пропал?]

[Бай Сюйюй: Ну что, подцепил своего Альфу?]

[Бай Сюйюй: Где отчёт о прогрессе? Требую отчёт!]

[Бай Сюйюй: Блин, чё за тишина?]

[Бай Сюйюй: Мать твоя деление, у тебя что, мобилу отобрали?]

[Бай Сюйюй: Эх ты, слабый игрок, даже с этим попался.]

[Бай Сюйюй: Ладно-ладно, как вернёшь трубку — отпишись.]

Отвечать Бай Сюйюю не хотелось. Нин Си убрал телефон в карман и направился обратно в седьмой класс.

Небо за окном стало ещё мрачнее. Влажность в воздухе зашкаливала, тяжёлые тучи низко нависли над школьным двором — дождь мог ливануть в любую секунду.

Когда Нин Си вернулся в кабинет, одноклассники уже собирали портфели, готовясь разойтись по домам.

Увидев его в дверях, Ху Янцай радостно подскочил:

— Ученик Нин! Раздали списки учебных групп! Мы в одной команде!

— А? Когда это успели? — удивился Нин Си.

— Да вот только что! — Ху Янцай сунул ему листок со списком.

Нин Си взял бумагу, хотя итог был ему заведомо известен.

В самом верху списка красовалось имя Сун Ицзэ, а в графах успеваемости и рейтинга стояли безупречные единицы. Никаких сомнений.

— О, и твой парень тоже с нами! — Ху Янцай ткнул пальцем в строчку с именем Сун Ицзэ.

Нин Си еле сдержался, чтобы не заклеить ему рот скотчем.

— Слушай, а что сегодня с Богом Цзэ? Ты что, до сих пор его не успокоил? На трибуне он выкинул такое, что у меня аж поджилки затряслись! Вот уж Альфа так Альфа, — восхищённо тараторил Ху Янцай. — Впрочем, за каникулы вы точно помиритесь. Как-никак в одной группе учиться будете — теперь у вас есть идеальный повод проводить вместе кучу времени!

Нин Си мысленно отфильтровал словесный поток Ху Янцая, зацепившись за ключевые слова: «каникулы» и «повод».

Как и подобает стойкому воспитаннику социалистической школы, Нин Си привык идти до конца перед лицом любых трудностей.

Какая разница, стыдно или нет, когда речь идёт о выживании?

В конце концов, сдаваться он не привык.

Летний ливень хлынул внезапно. Водяные струи сплелись в сплошную завесу, с гулким шумом рушась на асфальт и рассеиваясь в воздухе влажной моросью.

Дождь, совпавший с началом каникул, превратил школьный двор в муравейник.

Цветные купола зонтов сливались в плотную массу, а стук капель и порывы ветра тонули в грохоте колёсиков чемоданов и звонком детском смехе.

Сун Ицзэ не пошёл со всеми. Его задержал преподаватель по олимпиадам, чтобы обсудить детали осеннего состязания по физике.

Небо оставалось светлым, но привычного золотистого зноя не было: стояла липкая, душная сырость, от которой становилось неудобно.

К моменту, когда Сун Ицзэ вышел из учительского корпуса, территория школы уже опустела.

Он заскочил в класс, взял самые необходимые вещи, намереваясь забрать основной багаж из общежития завтра, и отправился к выходу. Было почти шесть вечера, хотя занятия закончились ещё в два тридцать.

Подняв зонт, Сун Ицзэ шагнул под дождь.

Он жил неподалёку: достаточно было выйти через восточные ворота, миновать старый квартал за школой и свернуть в переулок.

Промытые дождём листья платанов блестели, тяжёлые капли срывались с них и падали в лужи, пуская по воде ровные круги.

По пути Сун Ицзэ привычно заглянул в лавку на выходе из жилого массива.

Откинув шторку и встряхнув зонт, он достал из холодильника баночку колы и положил её на стойку:

— Дядюшка Чжэн, мне колу, пожалуйста.

Старик, смотревший телевизор, поднял голову:

— О, Ицзэ! Что так поздно? Вроде Первую старшую давным-давно распустили?

— Задержался в школе по делам, — ответил юноша. — Сколько с меня? Я переведу по коду.

— Три с половиной юаня. Вот QR-код, сканируй.

Сун Ицзэ открыл мессенджер, намереваясь включить сканер, но на самом верху списка чатов высветился диалог с «Одноклассником Сяо Си».

Отправленный им самим вопрос: «Что значит "Лаогун саранхэйо"?» — так и висел последним сообщением.

Игнорировать это было трудно. Сун Ицзэ отсканировал код и ввёл сумму: «3.5».

Увидев эти пять цзяо, он невольно вспомнил, что Нин Си до сих пор остался ему должен ровно пятьдесят фэней.

Сун Ицзэ вдруг осознал, насколько мелочно и ребячески он себя ведёт. Особенно сегодня на трибуне... Не перегнул ли он палку?

Ему было плевать на то, что скажут одноклассники, да и неловкости из-за случившегося он не испытывал. Но где-то глубоко внутри настойчиво звучала мысль: он не сдержал эмоций. В последние дни он вел себя неправильно, и с Нин Си не следовало говорить столь резко.

Сун Ицзэ тяжело вздохнул.

Холодная банка покрылась каплями конденсата, увлажнив ладонь.

— Я пойду, дядюшка Чжэн. Спасибо.

— Давай, сынок, хороших каникул! — махнул рукой старик.

Сун Ицзэ раскрыл зонт и вышел на улицу.

На улице лило, и пить колу на ходу было неудобно: в одной руке банка, в другой — зонт.

Решив укрыться под козырьком ближайшего дома, он повернул за угол и заметил фигуру у обочины.

Юноша сидел на корточках. Хрупкий, тонкий силуэт; брюки слегка задрались, обнажая изящную косточку на лодыжке, чья фарфоровая белизна казалась особенно яркой на фоне пасмурного дня.

Он пытался удерживать зонт плечом, отчего выглядел невероятно одиноко.

Сун Ицзэ сразу узнал Нин Си. Наваждение какое-то. На каждом шагу мерещится.

Первой реакцией было развернуться и пройти мимо, не вмешиваясь.

Но тут он разглядел, что в охапке свёрнутой школьной куртки у Нин Си кто-то копошится. Это был крошечный котёнок.

Склонившись над малышом, Нин Си защищал его от непогоды, а сползающий зонт едва прикрывал его самого — левое плечо юноши уже насквозь промокло.

Зато белый комочек в его руках находился в полном тепле и безопасности.

Ну что за наказание...

Сун Ицзэ тихо вздохнул, сдаваясь.

Он просто не мог бросить этого наивного дуралея мокнуть под дождём.

Подойдя со спины, он молча перехватил соскальзывающий зонт и накрыл своим куполом их обоих.

Нин Си вздрогнул, резко обернулся и, увидав Сун Ицзэ с зонтом в руке, перевёл дух:

— Ты чего? Напугал меня.

— Это я должен спрашивать, — спокойно откликнулся Сун Ицзэ. — Почему не дома? Что ты тут делаешь?

Нин Си развернулся, показывая свою находку.

Котёнок казался совсем новорождённым: пушистый, с огромными круглыми глазами, хотя белоснежная шёрстка успела испачкаться в грязи.

— Вот, сию с ним, — ответил Нин Си.

Сун Ицзэ не понял подобного альтруизма. Мокнуть под проливным дождём ради котёнка? Он что, святой?

Но тут взгляд Нин Си скользнул в сторону.

Его голос звучал абсолютно ровно, без единой эмоции, будто он просто констатировал факт:

— Его мама умерла.

Сун Ицзэ проследил за его взглядом.

Неподалёку на земле лежала взрослая белая кошка. Всё её тело было покрыто окровавленными ссадинами, а застывшие лапы выглядели неестественно и жутко.

Капли дождя глухо стучали по её неподвижному телу.

Сун Ицзэ потрясённо перевёл взгляд на парня.

Нин Си смотрел перед собой с абсолютным спокойствием, точно гладь застывшего озера. Длинные ресницы опущены, ни единый мускул на лице не выдавал внутренних чувств.

— Не знаю, что случилось. Наверное, машина сбила, — произнёс Нин Си.

Сун Ицзэ не находил слов.

— Котёнка жалко, — тихо добавил Нин Си. — Но он ведь лапочка, правда?

Сун Ицзэ молча кивнул.

Опять воцарилась тишина.

Спустя некоторое время Нин Си как бы между прочим заметил:

— Слушай, я в чём-то виноват? Ты будто злишься на меня последние дни.

Сун Ицзэ замер.

Он умел трезво оценивать свои поступки, и эти слова заставили его понять: всё это время он просто изводил самого себя.

С чего вообще он взъелся?

И почему срывал своё настроение на совершенно непричастном человеке?

Повисла затяжная пауза.

— Ты ни в чём не виноват, — наконец тихий голос Сун Ицзэ потонул в шуме дождя. — Я просто залился на самого себя. Извини.

Дождь тишал, вечерние сумерки сгущались, но сквозь них всё ещё чётко проступали утончённые, строгие черты лица юноши.

Сказав «извини», Сун Ицзэ почувствовал, как от сердца отлегло.

Окончательно отбросив глупое упрямство, он первым спросил:

— Когу будешь?

— Буду.

— Держи.

— Ого, спасибо! А откроешь?

— Сам открой.

— Так у меня руки заняты, котёнок же.

— А у меня зонт.

Они перебрасывались короткими, совершенно бесцельными фразами.

Пелена дождя заметно поредела, на горизонте светлело.

Глядя на светлеющие тучи, Сун Ицзэ спросил:

— Что планируешь делать с котёнком?

Нин Си помедлил:

— Можешь забрать его себе?

— Я... — Сун Ицзэ понизил голос, и его суровый профиль в сумерках мягчел. — Я не смею его брать.

Он подобрал странное слово.

Сун Ицзэ сразу пожалел о сказанном — это звучало как жалкая отговорка, хотя выражало его подлинный страх.

Но сидящий на корточках парень ответил тем же:

— Угу. Я тоже.

— Жизнь слишком хрупка.

Нин Си опустил взгляд на маленький белый комочек. Живое, едва зародившееся существо... а чуть дальше лежало точно такое же, ещё недавно дышавшее, а теперь совершенно холодное тело.

Как же хочется жить.

Я обязательно буду жить.

Нин Си мысленно дал себе клятву.

И тут же, словно зарядившись внезапной энергией, он весело и громко воскликнул:

— Ну, раз никто из нас не может его взять, давай отнесём малыша в ветклинику!

Сун Ицзэ вздрогнул от столь резкой смены настроения. Нин Си не переставал удивлять.

— погоди, а тебе домой не пора?

— Дядюшка Хэ занят, я сказал, что доберусь сам, — ответил Нин Си. — Ицзэ, ты знаешь, где тут поблизости ветклиника? Проводишь?

Сун Ицзэ замялся. Он ведь собирался домой...

Заметив это, Нин Си разочарованно протянул:

— А-а, ты уже домой шёл? Прости, я тебя задерживаю...

Сун Ицзэ молчал.

Тогда Нин Си снизу вверх посмотрел на него. С этого ракурса Сун Ицзэ видел его чуть влажное от дождя, невероятно трогательное лицо:

— Я просто совсем не знаю этот район и понятия не имею, где тут клиника... Ицзэ, ты хотя бы покажи, в какую сторону идти, а дальше я сам.

Сун Ицзэ: «...»

— Или может...

— Ладно, — вздохнул Сун Ицзэ, сдаваясь. — Я пойду с тобой.

Глаза Нин Си радостно вспыхнули, лицо озарилось искренней улыбкой:

— Наконец-то ты перестал от меня шкериться!

Сун Ицзэ нахмурился:

— Когда это я от тебя шкерился?

— Ты меня за дурака держишь? Сидел в классе как ни в чём не бывало и заявлял, что тебя нет!

«...»

Уши Сун Ицзэ слегка покраснели.

После недолгой паузы он буркнул:

— Так мы идём в ветклинику или как?

— Идём! — Нин Си подскочил было, но от долгого сидения ноги затекли, и он слегка пошатнулся, едва удержав равновесие.

— Осторожнее, — Сун Ицзэ казалось, что Нин Си состоит из одних только синяков и ссадин.

— Пустяки, отсидел немного. Сейчас размокнет и пройдёт, — отмахнулся Нин Си.

Сун Ицзэ посмотрел на него и после короткого колебания спросил:

— Тебе удобно с котёнком?

— А что такого, конечно...

Не успел Нин Си договорить, как перед ним оказалась баночка колы.

Длинные изящные пальцы сжимали жестянку, ключик на которой был уже аккуратно отжат.

— Пей.

Всего одно короткое слово.

Настроение Нин Си окончательно поднялось. Хотя держать котёнка одной рукой было не слишком удобно, он с радостью принял банку:

— Спасибо!

А затем с лукавой улыбкой добавил:

— Ты ведь понесёшь за мной зонт, правда?

Дождь почти прекратился, редкие капли едва накрапывали. Мрачные тучи рассеивались, уступая место проясняющемуся небу.

— Эй, так понесёшь или нет?

—... Раз знаешь, чего тогда застыл? Шагай давай.

И они вместе направились в сторону зоомагазина.

Пока они шли, дождь окончательно утих.

Небо прояснилось, и в капельной тишине летнего вечера снова застрекотали цикады.

И двое юношей даже не подозревали, какая буря разразилась в это время на школьном форуме Первой старшей.

А виной всему была тема с невероятно завлекающим заголовком:

«Речь с трибуны красавчика-Альфы из Первой старшей: безысходность преследования Омегой или разоблачение сущности Альфы-подонка?»

<http://bllate.org/book/20373/2172183>